Холодный ветер Каллинских гор хозяйничал на скалистых равнинах. Небо зимнего утра оставалось ясным. Низкое солнце ещё согревало воды пенящихся водопадов и горных ручьёв, не давая им покрыться льдом. Среди яркой зелени лесов, на заснеженных склонах пестрели стада яренбыков, спускавшихся к тёплым равнинам от привычных водопоев.

Внезапно животные остановились, вытягивая вверх длинные лохматые шеи, вынюхивая хищника. Стада сбивались в кучу, животные жались друг к другу, словно признаваясь в неспособности определить приближающуюся угрозу. Испуганные яренбыки испускали долгие крики, затравленно прижимая уши.

Странная тень накрыла отроги гор, и в небе появилось множество тёмных силуэтов. Затем огромные существа стали падать на землю, вздымая фонтаны снега. Животные в панике бросились врассыпную. Неизвестных созданий было так много, что склоны гор почернели.

Облака окрасились в странный пурпурный цвет — тысячи спор взрывались в воздухе, разбрызгивая вирусы, которые тут же начинали трудиться, чтобы изменить климатический баланс атмосферы. Быстро распространяющееся тепло вызвало перепад давления, между облаками стали пробегать молнии, хлынул густой ядовитый дождь.

Спустя несколько минут едва поднявшееся солнце скрылось за пеленой падающей с неба бесконечной массы спор. Перепуганные яренбыки метались по склонам, перемешивая в слепой панике снег.

Всё закончилось, когда из приземлившихся спор послышались злобные крики, а затем появились сверкающие клыки и когти кровожадных чудовищ. Монстры первой волны тиранидов, движимые волей Совокупного Разума, снабжённые дополнительной порцией адреналина, успели в своей бессмысленной ярости вырезать целые стада яренбыков. А потом погибли, не в состоянии вынести такого напряжения и воздействия отрицательных температур.

Тысячи тиранидов первой волны погибли из-за зимней стужи Тарсис Ультра в первые же минуты после приземления. Малейшее проявление активности быстро сжигало все запасы внутренней энергии, а без жировых прослоек они не могли выжить на морозе и часа. Но это не было большой потерей. По мере того как гибли первые тираниды, Совокупный Разум получал информацию о местных условиях, понемногу приспосабливал свои создания, добавляя большие слои изолирующей ткани и дополнительные запасы энергии, чтобы его воины могли прожить дольше.

На лесистых равнинах густой, насыщенный мельчайшими организмами дождь падал на кроны деревьев, превращая листву в пропитанный бактериями слой биомассы. Микробы, несущие в себе генетические признаки фауны тиранидов, быстро просачивались в почву, усваивали все органические вещества и использовали образовавшуюся энергию для ужасающе быстрого роста.

Разноцветные наросты пробивали себе путь сквозь серебристую кору деревьев, прямо из

влажной земли поднимались цепкие лианы и лозы. И снова суровый климат Тарсис Ультра значительно укорачивал жизненный цикл растений-пришельцев. Но каждый лист, умирая, выпускал в атмосферу облако новых спор, и всё начиналось сначала.

Целые поколения погибающих растений удобряли почву, ускоряли химические реакции, увеличивали количество выделяемого тепла, пока рост новых растений не стал увеличиваться по экспоненте. Целые колонии спор вгрызались в горячую землю и рвались наверх, а их корневые системы проникали сквозь слой вечной мерзлоты и достигали богатой азотом почвы. Растения увеличивались в размерах и превращались в настоящих гигантов, испускающих целые потоки новых спор, легко переносимых ветром. Тёплые испарения поднимались к небу и повышали температуру воздуха, а это, в свою очередь, приводило к аномальным явлениям в атмосфере. Поднявшиеся ветра распространяли споры всё дальше и дальше.

Вторжение на Тарсис Ультра началось.

Имперский Флот не мог больше сдерживать натиск захватчиков, но Тарсис Ультра не осталась без защиты. Базирующиеся на поверхности планеты лазерные установки вели непрерывную стрельбу. Кроме того, к орбите устремлялись сотни реактивных снарядов, оставляя за собой облака белого дыма.

Лучи лазеров пронзали небо, но постоянно меняющаяся атмосфера приготовила защитникам неприятный сюрприз. Одной из самых больших проблем для наземных лазерных установок было рассеивание мощности на дальних расстояниях, называемое «термальным распылением». В процессе прохождения слоёв атмосферы некоторая часть энергии лазерного луча расходовалась на нагревание, что создавало завихрения в воздухе и искажение оптических свойств луча. Это не приводило к отклонению от цели, но луч становился шире, и в результате терялась часть его поражающей силы. При обстреле наземных целей орудия колоссальной мощности не доставляли артиллеристам таких неприятностей, но при стрельбе вверх лучам приходилось преодолевать десятки слоёв с постоянно меняющейся температурой, и сила удара заметно снижалась.

При атаке наземных батарей в космосе гибли десятки тысяч мелких организмов, но более крупным существам лазеры не могли нанести заметного урона.

Более результативной оказалась стрельба реактивными снарядами. На счёту артиллеристов было множество сбитых хищников. Заряды взрывались среди полчищ кораблей со спорами, уничтожая их десятками. Множество пришельцев падало с неба подобно кометам, оставляя за собой кровавый след.

Воздушное пространство над Тарсис Ультра, Пользуясь термином военных стратегов Империума, превратилось в «одну сплошную цель», и каждый реактивный снаряд настигал свою жертву среди армады врагов. В течение двух часов младшие командиры рапортовали в общей сложности о более чем пятистах поражённых целях и наряду с этим отчаянно требовали пополнения боезапаса, которого хватало всего лишь на час интенсивной стрельбы.

В случае сражения с обычным противником защитники Тарсис Ультра добились бы полного истребления вражеской армии и пресекли всякие попытки повторного вторжения.

Но тираниды были далеко не обычными противниками.

С воздуха гидро-скиф, с рёвом несущийся по замёрзшему каналу, напоминал летящую серебряную пулю. На гладком льду мощные винтовые двигатели позволяли судну развивать скорость до двухсот километров в час. Солдаты корпуса Логреса возвращались в Эребус.

На повороте, огибающем пологие, покрытые вечнозелёными лесами холмы, гидро-скиф взметнул в воздух облака ледяной пыли. Одна из лыж чиркнула по ограждению канала, и вслед за ледяными кристаллами вверх полетели искры — пилот вошёл в поворот на слишком большой скорости. Но никто в этот момент не думал о безопасности. Сквозь окна хорошо были видны пересекающиеся лучи лазеров, а бледную голубизну облаков оттеняли столбы дыма артиллерийских залпов. Солдатам не требовалось объяснять, что происходило в окрестностях, и сейчас им надо было как можно скорее попасть в Эребус.

Неожиданно небо над их головами неестественно потемнело, заслонённое роем потрескивающих на лету кораблей-спор флотилии тиранидов. Мрачные тучи опускались на землю зловещим черным покрывалом. Солдаты с тревогой поглядывали в запотевшие окна и торопили пилота.

На их глазах два ещё более плотных облака — снизились над каналом, слились в одно и стали двигаться параллельно гидро-скифу, а сверху по спирали опускалась третья стая. Офицеры, наблюдавшие за пришельцами через перископы, приказали солдатам оставаться на местах и открывать огонь по готовности.

Окна пришлось опустить, чтобы выставить дула ружей, и клубы морозного пара тотчас заполнили пассажирский отсек. В чёрную тучу, кружившую над скифом, взметнулись молнии голубых лучей. Некоторые, выстрелы достигали цели, и тогда на снег падало окровавленное чудовище. Но, несмотря на эти случайные победы, тучи летающих преследователей все приближались.

Отдельные твари уже обгоняли гидро-скиф, и среди пассажиров раздались испуганные возгласы — они смогли рассмотреть своих противников. Солдат преследовали наводящие ужас существа с перепончатыми крыльями, длинной зубастой пастью и мускулистыми лапами с острыми когтями. Лазерные ружья вырывали из стаи десятки врагов, но на их месте тут же появлялись сотни новых. Они кружили над каналом и обстреливали людей из особых отверстий в шее. Казалось, по крыше скифа барабанит град камней. Затем стали биться стекла, а потом снаряды попали в людей, и их доспехи начали лопаться под ударами чужеродных зарядов.

Санитары бросились к раненым, сорвали окровавленные доспехи и попытались остановить кровь, но в ужасе отшатнулись. В ранах копошились похожие на жуков существа, стремившиеся укрыться в человеческой плоти.

Страшные когти зацепили крышу, вырывая длинные полосы металла. Скиф бросало из стороны в сторону, из-под полозьев то и дело сыпались искры, и пилот с трудом удерживал машину. Солдаты старались отогнать врагов ружейными выстрелами, но, несмотря на то что десятки убитых тварей оставались в снегу, стая словно не замечала потерь.

Налетевшее сверху чудовище ухватило сильными когтями вопящего солдата прямо через дыру в крыше. Душераздирающие крики быстро стихли, как только в лицо бойца со страшной силой ударил поток морозного воздуха. Сослуживцы попытались втащить своего товарища обратно, но плотный залп хитиновых копий заставил людей отшатнуться.

Скиф со скрежетом преодолел очередной поворот, но оказалось, что на него несётся ещё одна стая крылатых чудовищ. Плотная масса тел загородила дорогу, и пилот инстинктивно вывернул тормозные воздушные заслонки и переложил руль. Тормоза со скрежетом оторвались от полозьев, а скиф заскользил дальше, уже не подчиняясь рулю.

Машину занесло на скользкой поверхности и развернуло поперёк канала. Пассажирский отсек ударил в ограждение, и задняя его часть взлетела в воздух.

На такой высокой скорости корпус скифа не выдержал удара, и кабина водителя оторвалась от пассажирского вагона, несколько раз перевернулась в воздухе, а потом рухнула на лёд канала в сотне метров от остальной части машины и взорвалась оранжевым огненным шаром.

Пламя горящего топлива взметнулось к небу, а осколки металла разлетелись на сотни метров вокруг. Огонь расплавил лёд, и остатки кабины погрузились в воду. На снегу среди обломков стонали от боли лишь несколько раненых, истекающих кровью солдат.

На таком морозе они и так были обречены, но крылатые горгульи прервали их мучения. Удары когтей и острых зубов сыпались на беспомощных людей градом, пока все они не погибли.

Солдаты корпуса Логреса оказались первыми жертвами Тарсис Ультра в наземной войне.

Снежок и Сильвер наблюдали за столбами дыма от реактивных снарядов и пурпурными тучами над ущельем с крыши склада, служившего им убежищем.

На больших уличных экранах безымянных проповедников, обычно требующих молиться за Императора, сменили военные с бесконечными предупреждениями об опасности контактов с любыми видами пришельцев.

Снежок ничего не знал о ходе войны, но был твёрдо уверен, что в космосе людей постигла неудача. Никто не стал бы палить из наземных батарей, если бы не близкая угроза вторжения.

— Не нравится мне все это, — сказал он.

— Мне тоже, — согласилась Сильвер. — Определённо не нравится.

Лорд-инквизитор Криптман стоял у бронированного стекла наблюдательного пункта Дворца Правительства и наблюдал за происходящим в небе Тарсис Ультра с теми же чувствами. Известие о неудаче Имперского Флота и его отступлении развеяло последние надежды на предотвращение вторжения тиранидов. Криптман ещё раз окинул взглядом окрестности и тяжело вздохнул. Даже если им удастся разбить армию пришельцев, этот мир никогда не станет таким, как прежде.

Все офицеры были ознакомлены с доктриной предстоящих военных действий. Они должны были руководствоваться ею до окончания вооружённого конфликта. Опыт, полученный ценой множества жизней, сейчас передавался солдатам, и Криптман надеялся, что жертвы, принесённые ради получения этой информации, не были напрасными.

Лорд-инквизитор всё еще продолжал наблюдать за началом вторжения, когда к нему подошёл Локард. Магистр спокойно сложил руки на груди, а над его головой покачивался кристалл.

— Ну вот, это началось снова, — пробормотал инквизитор, не отрывая взгляда от клубящихся разноцветных облаков.

— Так и есть, — согласился Локард. — Если бы не чудовищная опасность, этот вид можно было бы назвать совершенным. Природа содрогается в пароксизме творения.

— Конечно, но в этом нет ничего естественного. Цель этого творения — разрушение и поглощение.

— Интересная двойственность, вы не находите? — спросил Локард.

— Да, но только при других обстоятельствах. Как продвигаются ваши исследования?

— Достаточно быстро. В некотором отношении наши возможности ограничены, но я пока не жалуюсь. Образцы, взятые из тел существ на «Горе побеждённому», очень помогли нам. В их генетической структуре явно прослеживаются следы мутации. Очевидно, тираниды вступили на следующую ступень эволюции сразу после сражения при Барбарусе I.

Криптман отвернулся от окна и кивнул:

— Именно это я и подозревал.

— Для достижения цели нам совершенно необходимо получить образец, максимально приближённый к первоначальной структуре. То есть существо, которое ещё не подверглось эволюции по воле Совокупного Разума.

— И как вы собираетесь получить такой экземпляр?

— Что ж, этого я пока ещё не знаю, — признался Локард.

— Надо отыскать способ, — покачал головой Криптман.

Уриэль смотрел, как Леаркус и Пазаниус проходят вдоль строя солдат местных сил обороны, и всей душой стремился к ним присоединиться. Не так много времени прошло с тех пор, как сам он был старшим сержантом, и привычное желание проверить солдат, находящихся под его началом, снова овладело им накануне сражения. Пришлось напомнить самому себе, что теперь у него более масштабные задачи. Уриэль вытащил потрёпанный ежедневник, чтобы убедиться, что в его секторе всё идёт как надо.

Пространство перед городскими стенами, от края до края долины изрезанное тремя линиями постепенно сужающихся траншей, походило на трек, приготовленный для гонок с препятствиями. Но Уриэль понимал, что это не более чем временная линия обороны. Первую атаку тираниды предпримут с воздуха, но она лишь загонит солдат поглубже в окопы. А основная лавина пришельцев покатится по земле. Себастьен Монтант заверил его, что склоны ущелья достаточно хорошо укреплены и на них столько орудий, что любая атака с воздуха просто немыслима. Уриэль в этом сомневался. Ведь человек, не встречавшийся с тиранидами, не мог представить себе их неизмеримой численности и упорства.

Первую линию окопов охраняли семь тысяч солдат, вторую — пять тысяч, а в третьей находились ещё две тысячи воинов. Остальные части оставались в Эребусе на случай, если где-то потребуется помощь. Перед самой стеной возвышался Капитолий Имперского полковника Октавиуса Рабелака. Его бронированный корпус ощетинился ружьями, а на зубчатых выступах постоянно дежурили солдаты. Грандиозный ромбовидный транспорт командующего был раскрашен в цвета корпуса Логреса и возвышался над землёй почти на пятьдесят метров. Отсюда полковник Рабелак имел возможность наблюдать за ходом боя и отдавать приказы подчинённым. Каждая гусеница этого передвижного командного пункта превышала ширину обычной дороги, а под его основанием могли поместиться четыре боевых танка. Капитолий являлся наглядным воплощением боевой мощи Империума. Колонна обычных танков вышла из городских ворот и направилась в сторону линии фронта. Рядом с командным пунктом Рабелака они выглядели муравьями, марширующими мимо слона.

Танки быстро заняли свои позиции перед заранее устроенными отвалами утрамбованного снега. Укрепления не давали им скатываться назад после выстрелов.

Солдаты в грязных белых маскхалатах бродили по окопам, собирались вокруг плазменных генераторов, на которых подогревали еду в котелках. Люди откровенно наслаждались, возможно, последней порцией горячей еды, а уж Уриэль прекрасно знал, что хороший обед и горячие напитки — лучший способ поднять боевой дух армии. В снабжении солдат Монтант превзошёл все ожидания. С бесконечными хлопотами по обеспечению десятков тысяч людей он справлялся не хуже опытного квартирмейстера. Он организовал, целую сеть полевых кухонь, чтобы регулярно кормить защитников города горячей едой и обеспечил бесперебойную доставку обедов командирам.

Всё было организовано как нельзя лучше, и в действиях оборонного правительства Уриэль видел воплощение заветов Кодекса Астартес. Происходящее напомнило Уриэлю мероприятия по защите северной полярной крепости на Макрейдже во время Первой Тиранической войны, хотя он и надеялся избежать повторения последствий того сражения.

Убедившись, что всё в порядке, капитан зашагал по покрытым слякотью доскам траншеи к первой линии окопов. Перед траншеями был сооружён двухметровый вал из снега. Он должен был защитить солдат от вражеского огня. От попаданий артиллерийских снарядов снег, как и песок, только уплотнялся. Кроме того, наружный склон снежного барьера постоянно поливали водой, и на нём образовалась гладкая, как стекло, наледь, что тоже должно было создать дополнительные трудности пришельцам.

— Есть какие-нибудь сведения о начале атаки? — спросил Пазаниус, присоединившийся к Уриэлю на огневом рубеже.

— Скоро, — ответил Уриэль и повернулся к подошедшему Леаркусу. — Ты отлично поработал, Леаркус, — сказал он, приветственно пожимая руку сержанта.

— Здешние солдаты — отличный народ, брат-капитан, — кивнул Леаркус. — Им надо было только слегка напомнить положения Кодекса Астартес.

— Уверен, делал ты это очень настойчиво, — заметил Уриэль.

— Только в случае необходимости, — признал сержант. — Я был не более суровым, чем любой старшие сержант в Аджизелусе.

Пазаниус и Уриэль одновременно поморщились при одном воспоминании о строгости обучения на Макрейдже. Ни у одного из них не осталось и тени сомнения, что Леаркус заставил людей пройти через все круги ада, чтобы подготовить их к грядущим сражениям. Но если такова цена солдатского искусства, она не казалась им чрезмерной, и люди должны быть ему благодарны.

— А где позиции Мортифактов и Караула Смерти? — спросил Леаркус.

Уриэль показал в сторону южной оконечности траншей и нахмурился, вспоминая о столкновении с Астадором и Криптманом на орбитальной станции. Тогда он утратил контроль над своими чувствами, и стыд за этот промах до сих пор не остыл в нём. Он был Космодесантником на службе Императора и должен был быть выше всех проявлений эмоций. Только смерть миллионов невинных людей на Корделисе и тёмный след, оставленный Несущим Ночь в его душе, могли поколебать его твёрдые принципы.

Мысль об утрате контроля над собой и превращении в убийцу без чести и совести очень пугала Уриэля. Некоторое время он раздумывал, не рассказать ли кому-либо о существовании тёмных сил в его душе, но вскоре отказался от этой мысли, не зная, как выразить словами своё состояние. Космодесантникам подобные слабости не были знакомы. Да и вокруг Уриэля не

было ни одного человека, к которому он мог бы обратиться.

Трое друзей не без волнения наблюдали за клубящимися вдали облаками. Никто из них не мог забыть ужасов войны на Ихаре IV, и неотвратимость нового столкновения с таким противником не сулила ничего хорошего.

Они без страха сражались с любыми врагами и побеждали. Но на Тарсис Ультра прибыла всего сотня Космодесантников. Могли ли они что-либо сделать против бесчисленной орды тиранидов?

В траншеях засели тысячи солдат, хотя, по сравнению с ордой тиранидов, войска самообороны можно было назвать лишь ничтожной горсткой слабых людей. Но всё же перед пришельцами жители Тарсис Ультра имели одно преимущество: они защищали свой народ, свои семьи и свою землю.

Все, чего так не хватало Уриэлю и его сержантам.

Западные склоны гор пришли в движение. Тысячи и тысячи грибовидных спор ударялись о землю, и из каждой появлялось покрытое слизью существо, которое шипело и выло от звериного голода. Толпы ужасных созданий кишели в обожжённых кислотой лесах, растения-пришельцы жадно поглощали азот и лишали природную флору солнечного света. В низинах кипели и пузырились полные вирусов лужы едкой жидкости. Малые формы успевали лишь дать потомство и гибли, но их энергия шла на утоление голода более крупных созданий Совокупного Разума.

Численность чужеродных хищников все возрастала, и наконец, подчинившись какому-то неслышному сигналу, все монстры сбились в единую плотную стаю и помчались по заснеженным склонам в заселённые людьми низины. Крупные твари щёлкали зубастыми пастями и сверкали острыми когтями, подгоняя мелких собратьев. Десятки тысяч пришельцев единым потоком хлынули вниз в поисках пищи. Невидимая психологическая связь согласовывала их бег с многочисленными стаями крылатых горгулий, летящих впереди и направляющих их на пути к жертвам.

По всей Тарсис Ультра армии тиранидов двинулись к своим целям.

Дозорный отряда самообороны Эребуса Павел Лефорто нервно облизал губы и тотчас пожалел об этом, ощутив пощипывание морозного воздуха. Ему срочно надо было опустошить мочевой пузырь, но ближайшая уборная находилась в трёхстах метрах от места расположения его поста. Павел ненавидел необходимость выпивать столько жидкости. В его возрасте мочевой пузырь не лучшим образом справлялся со своими обязанностями. А требование офицеров выпивать до пяти фляжек в день во избежание обезвоживания обрекало Павла на постоянные приступы боли.

Но сержанты корпуса Логреса без всякого снисхождения требовали соблюдения правил. Все без исключения случаи обморожения, простуды или дегидратации подлежали рассмотрению

военного трибунала.

В окопе было не так уж холодно, как казалось в первые дни. Но на высокой наблюдательной платформе, оборудованной перископом, ветер продувал до костей, несмотря на зимнее обмундирование и тёплое солдатское бельё. Внизу дыхание сотен людей поднимало температуру на два-три градуса, а работающие двигатели танков стали постоянным магнитом для солдат, отогревавшихся у их тёплых кожухов. Этот сектор окопов защищали около трёхсот человек. Были здесь и рядовые из корпусов Логреса и Крейга, но в большинстве своём бойцы сил самообороны Эребуса. Профессиональные воины относились к ополченцам не очень-то по-дружески, называли их не иначе, как «солдатами выходного дня» или любителями поиграть в войну. Все это, наряду с недовольством, бытовыми условиями, создавало весьма напряжённую обстановку, если не сказать больше. Однако Павел вскоре свыкся с переменами и откровенно скучал по своей монотонной работе в плавильных цехах Эребуса.

Но больше всего ему хотелось по вечерам возвращаться домой к жене и детям в тесный, но уютный домик, который они делили ещё с тремя семьями. Сейчас Соня, должно быть, готовит ужин, а двое детишек — Холия и маленький Солан — возвращаются из школы. Боль разлуки с родными постоянно саднила душу Павла, он с нетерпением ждал окончания этой войны и возвращения в родные места.

Лефорто постарался на время забыть о своей тоске и прижался к резиновым ободкам окуляров поднятого на двуногой стойке перископа, а потом нажал рычаг, освобождающий линзы от крышек. Для удобства он даже расстегнул вязаный шлем под каской. Тёплое дыхание туманом осело на стёклах, не дав Павлу как следует осмотреть местность.

Насколько он мог разглядеть без прибора, ровная заснеженная долина впереди была совершенно пуста, хотя офицеры и предупреждали, что низкая температура снижает видимость. В конце концов, он не единственный, кто наблюдает за этим участком, и Павла ничуть не беспокоила невозможность воспользоваться перископом. Если ничего и никого не видно, это не так уж плохо.

— Есть что-нибудь? — спросил его напарник, Вадим Коташ, протягивая Лефорто кружку с дымящимся кофе.

Сорокапятилетний Вадим был всего на год моложе Павла, и они вдвоём считались самыми старыми во взводе. Лица Вадима почти не было видно из-за вязаною шлема, тёмных очков и намотанного на шею шарфа.

— Нет, — ответил Павел и движением, рычага вернул крышки на окуляры перископа. Затем, поправив свой шарф, он взял предложенную кружку и отхлебнул горячего кофе. — Не могу ничего рассмотреть на таком сильном морозе.

— Да, я слышал об этом. Кон говорил, что Келлиш вчера угодил в госпиталь. Снежная слепота. Этот молодой дурачок всё время снимал тёмные очки.

— Комиссары за это могут поджарить его на горячих углях.

— Я бы, наверно, не отказался от горячих угольков, — пошутил Вадим. — Тогда бы мои старые косточки хоть немного прогрелись.

— А ещё лучше было бы вернуться в плавильный цех, — согласился Павел.

Вадим кивком показал на спускавшегося в окоп высокого офицера в длинной, забрызганной грязью шинели корпуса Крейга. На высоком меховом воротнике поблёскивали петлицы лейтенанта, а на плече офицер нёс лазерное ружьё. Оглядевшись вокруг лейтенант недовольно поморщился.

— Ой-ой, это же Конарски, — прошептал Вадим и тряхнул Павла за плечо, но было уже поздно.

— Эй ты! — крикнул лейтенант. — Ты почему не наблюдаешь за местностью?

Павел дёрнулся от громкого окрика и пролил кофе на свой маскхалат.

— Простите, сэр, я только…

— Мне плевать, чем ты тут занимался! Тебя поставили дозорным. Своей расхлябанностью ты мог подвести нас всех! Попомнишь мои слова, я напишу на тебя рапорт.

Конарски вытащил из кармана потрёпанный, явно часто используемый блокнот дисциплинарных взысканий, и Павел даже застонал от огорчения.

— Ну, солдат, назови своё имя, звание, регистрационный номер.

Но тут по всей линии окопов завыли сирены. Тревога не дала лейтенанту закончить с провинившимся Лефорто. Протяжные гудки всполошили солдат, и траншеи наполнились суматохой. Люди хватали оружие и занимали места за брустверами. Павел уронил кружку с кофе и прильнул к окулярам, совершенно позабыв о Конарски.

Он сдвинул крышки с линз и онемел от ужаса — чёрные стаи разрезали тучи над равниной и двигались к окопам. Все небо в его секторе обзора было заполнено бесчисленными тварями, и Павел уже мог слышать шелестящий рокот тысяч крыльев пришельцев.

Наконец поняв, что перископ больше не нужен, Лефорто спрыгнул в окоп и поднял на плечо ружьё. На флангах взревели моторы, и в небо поднялись клубы дыма. Танки с зенитными установками медленно двинулись вперёд, оставляя за собой чёрные дорожки следов. Из-под гусениц в воздух полетели комья снега и грязи. Следом за танками отправились грузовики с боеприпасами. В каждом кузове лежало по три тысячи снарядов в удобных для использования

обоймах, поскольку танковые орудия обладали скорострельностью до тысячи выстрелов в минуту.

Павел следил за приближающейся тучей пришельцев со смешанным чувством ужаса и отвращения. Он никогда не путешествовал и не встречался ни с какими чужаками, так что возможность увидеть настоящих пришельцев поначалу взволновала его. Но если хотя бы половина того, что говорили о врагах на собраниях во взводе, была правдой, встреча с такими существами не сулила ничего приятного.

Вой сирен затих, и со склонов ущелья на людей обрушился шум тысяч хлопающих крыльев и резкое отрывистое щёлканье миллионов когтей.

Вдоль окопа с обнажённой саблей в руке прошёл капитан корпуса Логреса.

— Не стрелять, пока они не подлетят ближе, — спокойным голосом приказал офицер. — Не тратьте зря патроны, они пригодятся вам всё до последнего.

Павел перехватил взгляд Вадима и за нервной усмешкой угадал леденящий душу страх.

— Не бойся, Вадим, — сказал Павел. — Держи под рукой запасную обойму, и всё будет в порядке.

Коташ кивнул, но ответить уже не смог — раздался оглушительный грохот танковых орудий и сотни снарядов полетели навстречу стае врагов. Снаряды начали взрываться в самой гуще наступающих тварей, и в морозном воздухе раздались первые пронзительные крики умирающих пришельцев. От раскалившегося металла пушек уже валил пар. Закутанные в белые халаты техники принялись сбрызгивать дула освящённой водой.

Залп танковых орудий разорвал плотную стаю чудовищ. С каждой секундой все больше пришельцев падало в снег, но облако упорно продолжало лететь вперёд. Павел невольно поразился такой целеустремлённости, ведь потери тиранидов были ужасающими.

Затем одна часть стаи с удивительной синхронностью поднялась выше и направилась прямиком к городским башням, в то время как другая опустилась к самой земле. Монстры скользнули по ледяному насту и чёрными пулями понеслись к окопам. Танковые залпы не стихали ни на минуту, но теперь они палили по наземным целям. До слуха солдат стали доноситься неприятные резкие крики.

Павел следил за приближением врагов через прицел своего лазерного ружья, и вот красное перекрестье сменилось зелёным. Это означало, что тираниды уже оказались в зоне обстрела.

— Огонь! Огонь! — крикнул офицер, и сотни солдат одновременно нажали на спусковые крючки.

Чёрная волна вздрогнула, сотни мёртвых тел покатились по льду. Павел даже не старался прицеливаться. В этом не было необходимости, поскольку противники накатывали на траншеи сплошной стеной.

Постепенно резкий визг достиг наивысшей точки — ксеносы оказались над головами защитников Эребуса. Одно из чудовищ опустилось прямо на край окопа, и Вадим испуганно пригнулся. Чёрная горгулья беспомощно царапала недоразвитыми ногами по обледеневшему брустверу. Перепончатые крылья захлопали, помогая сохранить равновесие, верхние конечности с острыми сильными когтями потянулись вперёд, а истекающее слизью отверстие биологического орудия было направлено прямо в сердце Коташа.

Павел выстрелил в уродливую голову, и чёрная тварь свалилось в окоп. Ещё пара горгулий пронеслась над их головами. Капли тягучей слюны забрызгали стенки траншеи. Павел успел толкнуть Вадима на землю и упал сам. Чудовища зависли над солдатами. Не обращая внимания на душераздирающие крики, Лефорто перекатился на спину и открыл стрельбу. Он машинально переключил оружие в автоматический режим, молнии лазерных лучей беспорядочно заметались в воздухе, но ему всё же удалось рассечь обоих тиранидов надвое.

Успев застрелить ещё одну горгулью, карабкавшуюся по снежной насыпи, Вадим помог Павлу подняться. Воздух вокруг них кишмя кишел крылатыми монстрами, пришельцы кружились и пикировали на людей, беспрестанно осыпая их своими отвратительными био-снарядами. Сквозь громкое шипение кровожадных тварей слышались отчаянные крики людей. В воздухе запахло кровью и страхом.

Несколько горгулий отделились от основной стаи и с пронзительными воплями пронеслись над окопом. Их биоплазма с одинаковой лёгкостью плавила и снег и человеческую плоть. Павел услышал жалобный вскрик Вадима. Сразу два чудовища вцепились в него когтями и подняли в воздух. Лефорто подпрыгнул, пытаясь схватить товарища за ноги, но толстые рукавицы помешали ему, и горгульи унесли орущего от боли Коташа. Очередное существо спикировало над окопом. Павел отшатнулся, отчаянно пытаясь загородиться от врага ружьём. Острые когти высекли искры из дула лазгана и разорвали маскировочный халат, но, к счастью, не достали до груди. Чудовище захлопало крыльями, готовясь к новой атаке, и Павел, отбросив ружьё, потянулся за охотничьим ножом. В ту же секунду горгулью разорвало на мелкие клочки — оказалось, что в неё угодила пуля Космодесантника. Павла окатило кровавым дождём. Лефорто протёр очки от брызг ихора и увидел, что капитан Ультрамаринов вместе с сержантом прокладывают себе путь вдоль края окопа, уверенно, будто на учениях, отражая одну атаку за другой.

— Спасибо, — выпалил Павел, но Космодесантники уже двигались дальше.

Лефорто согнулся в приступе тошноты и упал на колени. Капли горячего пота выступили на лбу, а душу сковал ужас. Только сейчас он понял, насколько был близок к тому, чтобы оставить Соню вдовой.

Дрожащими руками он принялся шарить по дну окопа в поисках оружия, то и дело натыкаясь на трупы павших товарищей. Только энергичные действия могли помочь ему удержаться от

приступа безумной паники.

Павел поспешно вставил новую батарею в лазерное ружьё и стал палить в клубящихся над траншеями ксеносов. Он стрелял, перезаряжал, снова стрелял. Выданный боезапас давно закончился, и Лефорто уже сбился со счёту, сколько батарей он вытащил из поясных сумок погибших солдат. И всё же даже ему было ясно, что натиск врагов не ослабевает, а их численность не уменьшается.

Горгульи с их слабо развитыми задними конечностями не имели возможности приземлиться и захватить окопы. Павел никак не мог понять смысла их атаки.

А ответ был пугающе прост. Пришельцы испытывали людей и… изучали. Наступление стало не более чем проверкой возможностей противника, всего лишь разведкой боем. Эти существа, тысячами погибающие под выстрелами, были ничего не стоящим орудием, при помощи которого Совокупный Разум мог определить, как лучше расправиться с защитниками планеты.

Мысль о возможности такого жестокого расчёта показалась Павлу холоднее самого морозного воздуха. Если ради ничтожной капли информации можно было пожертвовать тысячами созданий, какие же полчища придут следом?

Постепенно звуки боя стали затихать. Осмотревшись по сторонам, Павел увидел Ультрамаринов и Мортифактов, добивавших последние остатки стаи. Эти воины двигались и действовали со сноровкой, которая говорила о долгих десятилетиях постоянной боевой практики.

Внезапно нахлынувший водоворот чувств заставил Павла прислониться к брустверу. Радость оттого, что он остался жив, смешалась в его душе с тоской по родным и скорбью по погибшему товарищу, хотя никто не мог точно сказать, умер Вадим или остался в живых. Усталость налила руки и ноги холодным свинцом, а пальцы вновь предательски задрожали.

Павел плакал по исчезнувшему другу, и слезы замерзали на его щеках.

Снежок нажал на спусковой крючок, и шипящая струя огня разорвала горгулью надвое. Останки чудовища вылетели в то самое, наполовину зашитое досками окно, в которое оно пыталось ворваться. Сильвер двумя выстрелами спокойно прикончила другое существо, заглянувшее через дыру в потолке, а Тигрица умело орудовала своими узкими кинжалами, разрывая перепончатые крылья и выкалывая пришельцам глаза.

Джонни Стомп и Траск, стоя спиной к спине, с увлечением расстреливали из краденого оружия монстров, пытающихся проникнуть в их склад-убежище. Оглушительные раскаты выстрелов наполняли помещение, но стоило им замолчать хоть на секунду, как раздавались крики ужаса горожан, которым посчастливилось найти здесь убежище.

Наконец дверь, не выдержав мощных ударов, разлетелась в щепки, и на пороге показались

сразу полдюжины монстров. Снежок развернулся и поудобнее перехватил рифлёную рукоять тяжёлого огнемёта. Из перфорированного дула вырвался метровый язык пламени. Свора пришельцев мгновенно превратилась в мешанину из дыма и крови. Снежок покачнулся от отдачи, дуло дёрнулось вверх, и с потолка посыпались куски штукатурки.

Рывком вернув оружие в прежнее положение, он прищурился сквозь дым в поисках новой цели. Враги на время отступили. Испуганные всхлипывания и сдавленные рыдания горожан, укрывшихся в углу склада, уже начинали его раздражать, и Снежок сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Подойдя к оконному проёму, он рискнул выглянуть на улицу.

Всё началось ещё ранним вечером. Со склонов ущелья загрохотала артиллерийская канонада, а на вершинах скал замелькали вспышки ружейных выстрелов. Сначала трудно было разобрать, по кому стреляют солдаты, но довольно скоро в небе появились стаи пришельцев. Вслед за ними с огромной скоростью к городу приблизилась туча чёрных спор.

Разрывы снарядов освещали потемневшее небо. Чудовища гибли тысячами, но часть био-снарядов всё же падала на кварталы Эребуса. Никогда ещё Снежку не приходилось видеть таких активных действий сил самообороны, а интенсивность артиллерийского огня и вовсе казалась немыслимой.

Масштабы вторжения тиранидов значительно превысили все ожидания городского правительства. Расположенные на крутых склонах зенитные батареи своим заградительным огнём защищали в основном нижнюю часть ущелья, то есть район, расположенный довольно далеко от Дворца Правительства. Оборона самого Дворца тоже была усилена дополнительными орудиями. Кроме того, его охраняли подразделениями Гвардии, подчинявшейся лично обер-фабрикатору Монтанту.

Зеваки собирались вокруг прорвавшихся в город спор, желая лично убедиться в существовании угрозы, нависшей над их миром. Многие поплатились за своё любопытство жизнью, когда из капсул с шипением начали выскакивать пришельцы — невообразимо быстрые существа с острыми зубами и глазами, горящими чудовищной жаждой убийства.

Снежок сам видел, как десяток спор провалился сквозь проржавевшую крышу соседнего дома, и содрогнулся при мысли, что все его обитатели уже обречены на смерть. Услышав душераздирающие вопли, обыватели тут же бросились врассыпную.

Около склада, ставшего их прибежищем, собралась примерно сотня шипящих тварей. К зданию бежали два десятка горожан. Некоторые несли на руках плачущих детей. Кто-то тащил трогательные остатки своего имущества. В минуту слабости, о которой он потом пожалел, Снежок позволил им укрыться за стенами склада.

С тех пор он сам и все члены его банды вынуждены были защищать и их жизни тоже. Ксеносы не оставляли попыток ворваться внутрь. [Если мерзкий ксенос вдруг

напугал тебя мой друг

не бойся

мы рядом

Есть у тебя надежный щит

Ордо Ксенос защитит

Don’t worry

Be happy

Ордо Ксенос

Инквизиция. Взято откуда-то, не помню откуда]

Джонни Стомп не давал им подобраться ближе, пока Снежок не взломал один из оружейных ящиков, купленный у продажного сержанта-снабженца. Наконец они заставили монстров поджать хвосты и убраться прочь.

Необходимость сражаться оружием, предназначенным для перепродажи, причиняла Снежку почти физическую боль, ведь его стоимость после использования резко снижалась. Но в запасе ещё оставались ящики с медикаментами и солдатскими пайками. Снежок мог поклясться луной и солнцем, что в ближайшие дни потребность в них многократно возрастёт.

Во внезапно наступившей тишине Снежок громко закашлялся — едкий ружейный дым попал в лёгкие. Траск и Джонни Стомп хлопнули друг друга по ладоням.

— Ты видел, как я попал этой твари прямо между глаз? — воскликнул Траск. — Разнёс его проклятую Императором башку вдребезги!

— Ага. А как насчёт того, которого я прихлопнул из гранатомёта? Здорово получилось, правда? — добавил Джонни, жестами изображая свои действия.

Снежок оставил их и дальше хвастаться подвигами, повесил на плечо ещё дымящийся огнемёт и улыбнулся Сильвер. Девушка улыбнулась в ответ, продолжая перезаряжать свои пистолеты. Лекс и Тигрица уселись на пол и закурили по чёрной сигаретке. Что ж, можно и передохнуть. На некоторое время угроза отступила.

Сильвер подошла к Снежку сзади и немного размяла мышцы шеи. Наклонившись и поцеловав его в щёку, она с улыбкой кивнула в сторону перепуганных горожан. Обычно бесстрастное лицо девушки осветилось теплотой сочувствия.

— Ты хорошо сделал, что впустил этих несчастных, — сказала Сильвер.

— Ну да, и теперь я почти герой? — огрызнулся Снежок.

— Нет, — ответила девушка. — Но может быть, ты просто сентиментальный парень?

— Я? Не рассчитывай на это, крошка. Я и сам не знаю, почему так поступил. Если б я хоть на минуту задумался, то захлопнул бы дверь прямо у них перед носом.

— В самом деле?

— В самом деле.

Сильвер заглянула в его глаза, надеясь, что парень её разыгрывает, но, не прочитав в них и намёка на улыбку, убрала руки с его плеч. Он почувствовал её отчуждение. Да, она все правильно поняла. Эгоизм всегда заглушал в нём случайные ростки альтруизма.

— Могу представить. Уверена, ты так бы и поступил, — сказала девушка и отвернулась.

Главарь Ночных Негодяев вернулся к созерцанию заснеженных крыш за окном. Он вовсе не удивился, что Сильвер приписала ему столь благородный порыв. Снежок знал, что мог быть очаровательным, когда этого хотел. Но знал он и другое: в его душе так глубоко укоренилось себялюбие, что меняться было уже поздно. Этот недостаток он не считал главным проявлением своего характера. Его основным желанием было везде и всегда выглядеть первым в глазах окружающих.

Ему снова вспомнилось, как посмотрела на него Сильвер, когда подумала, что Снежок впустил людей из сострадания. Парень удивился, насколько сильно его задел мимолётный взгляд девушки, и тихо выругался.

Опустив оружие, он вытащил из кармана пачку сигарет. Надо подумать, что делать дальше.

Этих перепуганных людей придётся не только защищать, но и кормить, а против этого восставала каждая клеточка его мозга. Снежок мог заботиться о своих близких, но в их число никак не входили две дюжины горожан. Проклятие. Он посмотрел на Сильвер, заметил в её взгляде холодок и снова выругался.

Издали донеслись крики и звуки выстрелов. Значит, где-то ещё пришельцы столкнулись с вооружённым сопротивлением жителей. Снежок взглянул на своих нежданных подопечных и покачал головой.

О чём он думает? О чём он думал?!

Ряды ящиков уходили в глубь склада. Здесь целое состояние, заключённое в боеприпасах, медикаментах, запасах, еды, одежды и одеял — всех тех вещах, которые больше всего понадобятся людям во время зимних холодов и нашествия инопланетных монстров.

Он снова посмотрел на кучку людей, заметил голодное выражение их лиц и мысленно представил себе содержимое ящиков.

Снежок наконец осознал открывающиеся перед ним перспективы и довольно усмехнулся.

Глава 10

Уриэль и Леаркус окинули опытными взглядами разгром, царивший в окопах. Оба понимали, что ещё один воздушный налёт они, возможно, и выдержат. Но одновременную атаку с воздуха и с земли — вряд ли. Это подтверждали и данные разведки. После выхода из строя «Карлоса Винсента», «Фурии» перебазировались на Тарсис Ультра и совершали теперь разведывательные полёты. Пилоты сообщали, что невиданной силы лавина покрытых хитиновыми панцирями существ замечена в шестидесяти километрах к западу от города.

После приблизительной оценки скорости пришельцев стало ясно, что у людей в запасе всего лишь час времени. Ради этой информации погибли три воздушных корабля — их сбили и разорвали на куски стаи горгулий, круживших над зарослями растений-мутантов.

— Мы не удержим эту линию обороны, брат-капитан, — произнёс Леаркус.

— Знаю, но если отступить после первой же атаки, моральному духу солдат будет нанесён жестокий удар.

Вдоль окопов сновали санитары с носилками и военные апотекарии. По возможности они оказывали помощь на месте, а тех, кого следовало немедленно отправить в госпиталь, отмечали угольными карандашами. Солдаты всех без исключения подразделений проявляли настоящий героизм, но Уриэль знал, что одного героизма для победы в этой войне недостаточно.

В дальнем конце траншей капитан заметил Астадора и Мортифактов, преклонивших колени в молитве. Дымок от железной курительницы, установленной перед капелланом, поднимался к небу тонкой струйкой, и даже сквозь смрад сегодняшней битвы обострённые чувства Уриэля уловили запах кипящей крови.

Леаркус проследил за взглядом капитана и брезгливо скривил губы. Он тоже распознал этот горячий дух.

— Какой ещё чертовщиной они там занимаются? — недовольно спросил он.

— Не знаю, сержант, но могу поспорить, что ты не сможешь отыскать этого обряда на страницах Кодекса.

Леаркус что-то пробурчал в знак согласия и заметил, как к ним спешат майор Сатриа и

капитан Баннон из Караула Смерти. Баннон двигался с уверенностью прирождённого воина. Доспехи его были густо забрызганы кровью пришельцев, жёлто-чёрный значок Имперских Кулаков стал фиолетовым от пятен ихора. Лицо Сатриа осунулось и побледнело. Пропитанная кровью повязка закрывала его предплечье, а шлем украсился глубокими вмятинами от когтей тиранидов.

— Сержант Леаркус, — кивнул майор, подходя к Ультрамаринам.

— Майор Сатриа, ваши люди храбро сражались сегодня, — отозвался Космодесантник.

— Благодарю вас. В этих парнях сохранился стальной стержень. Мы вас не подведём.

— Ваш воинский дух выше всяких похвал, майор Сатриа. Но, боюсь, самое страшное ещё впереди, — покачал головой Уриэль.

— Наверное, вы правы, капитан Вентрис. Я только что получил донесения о том, что семь небольших городов тоже подверглись нападению. А с остальными населёнными пунктами нам никак не удаётся связаться.

— Все их жители уже мертвы, — уверенно произнёс Баннон.

— Вы не можете этого знать наверняка, — возразил Сатриа.

— Я знаю, майор, — заверил его капитан Караула Смерти. — Мне и раньше приходилось сражаться с тиранидами. В скором будущем нам предстоит отразить более интенсивные атаки. Эти существа очень хитры и настойчивы.

— Что же нам делать?

— Будем сражаться, — Баннон произнёс эти слова тоном, не допускающим никаких сомнений. — Эребус — самый большой город на Тарсис Ультра, и тираниды рассматривают его как жизненно важный орган своей жертвы. Конечно, они будут нападать на людей повсюду, но главный удар будет направлен против нас.

Уриэль кивнул. Уверенность и страстность Баннона воспламенили его кровь. Он даже почувствовал, как по венам растеклась жидкая лава ненависти к пришельцам.

— Где находятся ваши люди? — спросил Леаркус.

— Я расставил их на ключевых позициях по всей линии огня, — ответил Баннон. — У каждого на нагрудных пластинах доспехов высечена Литания Ненависти к тиранидам, и они будут читать её солдатам вслух во время боя. Священная ярость Императора проникнет в сознание

каждого и наполнит воинов храбростью.

— Они и без этого будут стараться изо всех сил, — заметил майор Сатриа.

Уриэль пропустил мимо ушей последние слова. Запах крови, поначалу слабый, вдруг ударил в ноздри с такой силой, что в его душе не осталось других желаний, кроме как снова и снова уничтожать врагов. Сердце исступлённо забилось между рёбрами. Уриэлю даже пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы умерить пульс.

— Капитан Вентрис, — окликнул его Баннон. — С вами всё в порядке?

Усилием воли Уриэль заставил себя отвлечься от своих ощущений и вернуться к действительности. Окружающий мир вновь обрёл прежние очертания, а всепоглощающий запах крови растаял, словно забытый сон. Уриэль разжал кулаки и кивнул.

— Да, да, я в порядке, — медленно произнёс он. — Просто мне не терпится снова пролить вражескую кровь.

Он мог поклясться, что услышал в глубине души одобрительный смешок своего тёмного духа.

В противоположной части траншеи, устроившись на бруствере, Пазаниус рассматривал тёмные капли ихора на своей биомеханической руке и испуганно хмурился. Он торопливо схватил горсть снега и приложил к сверкающему серебру. Снег постепенно таял и смывал остатки чужой крови, а Пазаниус внимательно следил за тем, чтобы нигде не осталось ни пятнышка. Наконец он нагнулся, подобрал обронённый кем-то шарф и насухо вытер металл. Гладкая, без единой царапины серебряная поверхность заблестела как новая. Сержант облегчённо перевёл дух и прикрыл глаза. Прижав руку к груди, он начал читать молитву.

Снова завыли тревожные сирены, и люди бросились занимать свои места на линии огня. Отдалённый шум крыльев и крики горгулий очень скоро превратились в непрекращающийся рёв. Уриэль узнал в нём голоса миллионов существ, отчаянно толкающих друг друга в страстном желании вырваться вперёд и первыми добраться до цели, к которой их вёл Совокупный Разум. Вдалеке показалась тёмная лавина тиранидов. Уриэль сжал рукоять энергетического меча и нащупал большим пальцем руну активации. Ему не терпелось встретиться с врагами, и утолить свою жажду крови.

Весь горизонт пришёл в движение. Чудовища заполнили долину от края до края. Раздался первый залп Имперской артиллерии, к небу поднялись клубы чёрного дыма, взлетели сверкающие осколки льда. Залпы расположенных перед городскими стенами орудий, танковых пушек и зенитных батарей на склонах ущелья слились в оглушительный вой. Взревели моторы поднятых в воздух авиационных звеньев «Молний» и «Скитальцев». Самолёты проносились над окопами и атаковали авангард тиранидов. Они сбрасывали в гущу врагов мощные бомбы, которые образовывали глубокие кратеры в ледяной поверхности планеты и испепеляли сотни чудовищ. Дула танков Имперской Гвардии были направлены вверх. Стрелки не тратили время на прицеливание. При такой плотности атаки каждый снаряд неминуемо находил цель. Эхо

залпа самого большого орудия Капитолия полковника Рабелака трубным гласом раскатилось по ущелью. С крутых склонов сошли лавины снега и посыпались глыбы льда — это окопавшиеся там отряды обрушили на врагов всю мощь своих пушек.

Тысячи тиранидов погибли в первые же мгновения атаки, и их хитиновые панцири были с треском раетоптаны выжившими существами, охваченными жаждой убийства. Однако Уриэль видел, что в целом масштаб потерь противника оказался невелик.

Среди плотной массы нападавших двигались более опасные создания. Их фигуры напоминали поднявшихся на задние ноги разъярённых баранов. Эти существа обладали настолько примитивной нервной системой, что почти не ощущали боли. Кроме того, их телам требовалось несколько минут, чтобы «понять», что они уже мертвы.

Над мчащейся лавиной тиранидов то и дело сверкали голубоватые дуги электрических разрядов, а звериный вой метался между склонами, приводя в замешательство и без того перепуганных солдат.

Уриэль огляделся вокруг. В окопах мелькали значки корпусов Логреса, Крейга и сил самообороны Эребуса. Лиц защитников невозможно было разглядеть за тёмными очками, шарфами и надвинутыми на глаза шлемами, но он угадывал страх в каждом из них.

— Положитесь на Императора, — крикнул Уриэль. — Он ваш щит и ваше оружие. Доверьтесь Его мудрости предвидеть самую далёкую цель, и мы победим. Бейте врага с Его именем на устах, сражайтесь данными Им силами. А если придёт ваш черёд погибнуть, радуйтесь, что послужили Его целям!

Капитан активировал мощь своего меча, и кольца смертельно опасной энергии окутали светящееся лезвие.

— Пусть подходят поближе, — закричал он. — Мы покажем им, что значит сражаться с солдатами Императора!

Астадор слышал биение мирового пульса даже через керамитовые пластины брони. Капеллан ощущал боль всей планеты, подвергшейся нападению врагов, и каждой отдельной принадлежащей этому миру молекулы. Запах его собственной сгорающей крови наполнил чувства и освободил призрачный дух, позволив ему общаться с теми, кто ушёл задолго до его рождения, кто носил священные доспехи много веков назад, чьё восприятие мира не было обусловлено оковами смертной плоти.

Он видел вокруг себя сияющие силуэты солдат, горячий и неудержимый страх и вместе с тем их неодолимую храбрость и решительность. Такое сочетание таило в себе огромные возможности, но Астадор не мог сказать, достаточно ли этого для победы над врагом, для которого не существовало ни отдельных мыслей, ни мира мёртвых, ни его заветов.

И всё же в несметной толпе пришельцев он мог заметить редкие проблески разума. Но сильнее всего был единственный настойчивый голос, звучащий для каждого существа, придающий им силы для достижения одной цели. Абсолютная воля совершенно чуждого сознания угрожала преодолеть дух Астадора, и её чудовищное давление превосходило всякие границы человеческого разума.

В чуждом сознании не было ни голода, ни гнева, ни смелости, ни амбиций, лишь единственная страсть поглощать.

В этом заключалась его сила и его слабость.

Ведь если сломить холодную сталь этого единого голоса, на что будут способны его рабы, лишённые собственной воли?

Погружая свой призрачный дух в глубины разума тиранидов, Астадор искал путь к победе.

Капитан Оуэн Мартен сгорбился за штурвалом своего истребителя и почти лёг на приборную доску. Впереди вспыхнула ослепительная белизна, и пилот лёгким поворотом штурвала выровнял крылья «Фурии». До земли оставалось не больше сорока метров. Он уменьшил нагрузку на двигатели и чуть не вывернул шею, оглядываясь через плечо. Цепочка ярких взрывов отметила траекторию его полёта. Останки пришельцев взлетели в воздух, и решимость Мартена окрепла ещё сильнее.

Корабли звена «Фурий» капитана Мартена после поражения «Карлоса Винсента» были наскоро переоборудованы для наземной службы и продолжали сражаться с тиранидами уже на Тарсис Ультра. В последний раз он видел посадочные площадки огромного корабля за секунду до ужасного взрыва, унёсшего множество жизней, и эта картина навсегда сохранилась в его памяти. За гибель товарищей следовало жестоко наказать врагов, и экипажи «Фурий» поклялись отомстить за каждую каплю пролитой крови.

Над головой Мартена мелькнула «Фурия» Эрина Харлена. Бомбы длинной цепочкой посыпались из его бомболюка, и взрывы на земле слились в долгий непрекращающийся гул.

Капитан бросил свою машину вверх и в сторону, пронёсся над окопами и убедился, что двое его товарищей все ещё находятся рядом с ним в воздухе. Высоко в небе два истребителя звена «Молнии» выделывали невообразимые фигуры, сражаясь со стаями горгулий. Их пилоты отвлекали на себя крылатых чудовищ и тем самым давали «Фуриям» возможность без помех сбросить свой смертоносный груз. Даже мимолётного взгляда вверх было достаточно, чтобы понять, что «Молнии» не смогут долго сдерживать врагов.

Мартен тронул кнопку голосовой связи.

— Делаем ещё один заход, — сказал он. — Как можно ниже, на бреющем полёте. Следуйте за мной.

— Капитан, — окликнул его Кейл Пелар, стрелок-артиллерист. — У нас кончились ракеты, и больше нечего сбрасывать.

— Я знаю, лейтенант. Переключаемся на стрелковое оружие.

Мартен двинул штурвал от себя, и навстречу ему понеслись орды тиранидов. Машина задрожала всем корпусом, и тотчас зажглась тревожная красная лампочка — высота полёта снизилась почти до тридцати метров. Такой манёвр требовал от пилота немалого опыта и силы в руках, малейшая ошибка могла бросить «Фурию» вниз и разбить её вдребезги. Но командир звена не зря считался одним из лучших пилотов Имперского Флота, и его мастерство уступало разве что опыту Эрина Харлена.

Тираниды рванулись навстречу «Фурии», в воздухе заискрились мелкие осколки льда и снега. Капитан нажал пусковую кнопку лазерной пушки и послал в гущу врагов пучки сконцентрированной энергии, взорвавшие тела изнутри. Вверх полетели брызги ихора и обломки панцирей. Продолжая стрелять, Мартен не смог удержаться от победных криков. Страстное желание уничтожить всех этих отвратительных тварей одним мощным ударом завладело его душой. Перед мысленным взором капитана возник огромный ревущий огненный шар. Создать его было очень просто — стоило всего лишь направить «Фурию» прямо в гущу врагов и позволить ей погибнуть славной смертью на поле боя.

На приборной доске зажглась ещё одна красная лампочка, возвестившая об истощении энергетических зарядов лазерной пушки. Тем временем к первому сигналу о критически малой высоте — добавился ещё и предостерегающий звонок.

— Капитан! — крикнул Пелар. — Поднимайся! Именем Императора, поднимай машину!

Крик Пелара отвлёк Мартена от воображаемой картины гибели. Он сделал глубокий вдох и потянул штурвал на себя. «Фурия» мгновенно набрала высоту.

— Клянусь Императором, капитан, ты провёл полёт на грани допустимого, — выдохнул Пелар. — Такого я мог ожидать только от Харлена.

Капитан Мартен не ответил, он всё ещё представлял себе прощальный взрыв.

Павел Лефорто продолжал стрелять по врагам, беспредельно ужасаясь невиданной мощи их атаки. Над плотной массой тиранидов громоздились гигантские монстры, когти которых превосходили по величине даже крючья подъёмных кранов, какие он видел в своём плавильном цеху.

Лавина пришельцев замедлила свой бег метров за десять до края окопа. Наледь высокого бруствера не давала им подойти вплотную. Но мелкие создания тотчас стали вгрызаться в ледяной склон. Некоторые примерзали к его поверхности. Они погибали целыми толпами, зато следующие за ними существа шагали по трупам, словно по ступеням. Наступление

приостановилось, хотя это дало Имперским войскам слишком маленькую передышку.

Над окопами стоял оглушительный шум: грохотали орудия, взрывались снаряды, исступлённо кричали люди и ко всему этому примешивались звериный вой и шипение тиранидов. В самом центре наступающей лавины поднялось грибовидное облако — это с оглушительным грохотом разорвался снаряд орудия Имперского Капитолия. Осколки льда вперемежку с останками тел пришельцев взлетели в воздух на несколько метров.

Во время учений на собраниях взвода офицеры говорили, что стрелять надо в самых крупных чудовищ. Сержанты подтверждали их слова и клялись, что это выведет из строя десятки более мелких врагов. В чём тут дело, оставалось для Павла загадкой, но всю свою сознательную жизнь он подчинялся чьим-то приказам и теперь не собирался изменять своим привычкам.

Он выбросил разрядившуюся батарею и дрожащими руками вставил на её место новую. Потом поднял ружьё на плечо и отыскал через прицел самого высокого монстра с выпуклым костяным крестом на черепе. В мощных, когтистых лапах этого создания имелась длинная хрящевая трубка, истекающая отвратительной слизью. Вокруг чудовища толпились существа с яйцевидными черепами и ороговевшими выступами на верхних конечностях. Павел прицелился в голову самого большого ксеноса и выстрелил, но заряд отскочил от толстых костей черепа. Откуда-то сзади вылетел реактивный снаряд и уничтожил одного из спутников гиганта. Павел понял, что не сможет нанести сколько-нибудь значительного урона этому чудовищу, и переключился на другие цели. Прямо перед ним шипящее создание поднялось по трупам своих сородичей и уже вцепилось в стену окопа. Выстрел в упор снёс ему голову. Обезглавленное туловище так и осталось висеть на краю траншеи.

Вокруг непрерывно гремела отчаянная стрельба. Солдат учили: чтобы выжить, они не должны подпускать врагов слишком близко.

Но Павел уже понимал, что им не справиться.

Уриэль вонзил меч в живот гормогонта, а ударом ноги снёс голову второму чудовищу, которое уже добралось до края окопа. Рядом с ним Пазаниус поливал огнём толпы тиранидов, взбирающихся на откос по телам мёртвых собратьев. Лёд и снег плавились под ударами огнемёта, а капли прометиума прожигали в наледи глубокие дыры.

Чуть дальше группа тиранидов сумела прорваться в траншею. Заметив это, Уриэль крикнул Пазаниусу: «За мной, сержант!» — и спрыгнул на дно окопа. Он устремился на помощь, не переставая стрелять из болт-пистолета. Разрывные заряды уничтожили несколько мелких созданий, а остальные были изрублены энергетическим мечом. Десятки пришельцев погибали под ударами их оружия, а два Космодесантника продолжали шагать вперёд по останкам павших врагов.

Когти скрежетали по доспехам Ультрамаринов, но Уриэль и Пазаниус были отличными воинами Императора, и никакие враги не могли их остановить. Капитан Вентрис крушил черепа пришельцев и совсем не думал о собственной безопасности. Первобытная ненависть к

тиранидам переполняла его сердце и горячим потоком разливалась по венам.

Сверху спрыгнули сразу несколько гормогонтов, и Уриэль упал на колени. Хитиновые когти ударили по броне, а один проник в соединение пластин между бедром и коленом. Из раны хлынула кровь, но тотчас же остановилась, как только усиленная кровеносная система образовала защитный слой ткани на месте разрыва. Уриэль перекатился по земле, сметая собственным телом более мелкие создания, а. потом, словно безумный, ринулся на врагов. Он ударился обо что-то локтем и почувствовал, что кость сломана. Взревев от ярости, капитан описал мечом широкую дугу, оставляя за собой распоротые животы и отрубленные конечности тиранидов.

Вскочив на ноги, капитан снова занёс над головой энергетический меч. И тут кто-то крепко схватил его за повреждённый локоть. Гнев закипел в крови Уриэля. Он начал разворачиваться, но в последний момент увидел Пазаниуса и опустил оружие на обледеневший бруствер. Сержант пригнулся и выпустил из огнемёта струю пламени. Огненный шквал заглушил пронзительные крики пришельцев, обращая их тела в пепел. Но бруствер уже штурмовали новые враги.

Космодесантники сражались со всей отвагой и решимостью, которой так славился их Орден. Они выдерживали страшные по силе удары, способные свалить с ног кого угодно, и разили монстров направо и налево.

Внезапно лавина тиранидов разделилась надвое, и навстречу людям шагнул настоящий гигант. Трёхметровое туловище воина-пришельца сплошь покрывали толстые пластины панциря, а спереди среди мощных костей экзоскелета блестели прикрытые жировой прослойкой внутренние органы. Из пасти вырывался оглушительный визг, верхние конечности с острыми как лезвия когтями угрожающе тянулись к людям. Из трубки био-оружия сочилась густая слизь.

Уриэль перекатился в сторону, и мерцающая струя выбила из стены окопа за его спиной порядочный пласт льда. Чудовище перескочило через снеговой накат. Вентрис успел подняться на ноги. Последние заряды болтера не смогли остановить гиганта и лишь слегка повредили его панцирь. Подоспевший Пазаниус окатил монстра струёй огня, но пламя сожгло только жировую ткань, и воздух наполнился отвратительной вонью. За спиной великана толпились десятки гормогонтов.

Меч Уриэля был нацелен в сердце чудовища, но мощная передняя конечность блокировала удар, а вторая так сильно толкнула Космодесантника в грудь, что расколола керамит и сбила капитана с ног. Уриэль не сдавался. Выпрямившись во весь рост, он размахнулся и полоснул монстра чуть повыше голени. Тварь взвыла от боли, рухнула на колени, а потом и вовсе опрокинулась, беспомощно раскинув в стороны лапы.

Ударив из огнемёта, Пазаниус уничтожил большую часть спутников поверженного гиганта. Но в ту же секунду появилась новая стая гормогонтов. Пришельцы настойчиво рвались в пролом, оставшийся после атаки их огромного сородича.

— Капитан! — окликнул друга Пазаниус.

— Я знаю, — откликнулся Уриэль и запрыгнул на бок раненого тиранида.

Гигантский монстр отчаянно пытался подняться, но капитан размахнулся и разрубил его крепкий череп.

Огромная туша в то, же мгновение замерла, а Уриэль с торжествующим криком выдернул меч из проломленной головы. Вслед за клинком из раны хлынула чёрная кровь. Вентрис спрыгнул с туши чудовища, а Пазаниус без промедления бросился на все прибывающих гормогонтов, которые начали как-то странно озираться по сторонам. Капитан и сержант не дали ошеломлённым тиранидам восстановить связь с Совокупным Разумом и безо всякого милосердия принялись уничтожать их одного за другим.

Уриэль ненавидел врагов ещё и за то, что они разожгли в нём жажду убийства. Космодесантник поднимал и опускал меч, и каждый раз, рассекая плоть тиранидов, лезвие окрашивалось тёмным ихором. Окружающий мир стал сужаться, пока вокруг не остались только смерть, кровь и ужас безвольных существ, внезапно лишённых связи с господствующим разумом.

Земля затряслась, и Уриэль отвлёкся от кровавых видений. Он увидел, как Пазаниус взлетел в воздух и ударился о землю. Силуэт ещё одного гиганта появился в ледяном тумане.

На Ультрамаринов двигался карнифекс. Монстр разинул акулью пасть, полную огромных острых зубов. Пластины его брони были поцарапаны во многих местах, из нескольких ран текла тёмная жидкость. Стоя на задних лапах, карнифекс заслонял собой солнце, а четыре передние конечности угрожающе нависли над головами людей.

Вот его пасть раскрылась ещё шире, и из неё выплеснулись потоки зелёной биоплазмы. Уриэль вскинул руки, чтобы защититься от ядовитых струй, но сильный удар отшвырнул его назад. Вентрис пытался подняться. Шипящая зелёная жидкость залила визор и лишила Космодесантника зрения. Ударив мечом вслепую, он лишь вскользь задел пришельца. Земля снова содрогнулась, и Уриэль почувствовал на своём лице жар чужого дыхания.

Астадор ощутил, как по мере приближения к холодному огню в средоточии Разума роя, от него ускользает контроль над призрачным духом. Таинственная сила, словно рождённая в недрах гигантского ледника, окатывала его душу волнами мертвенной стужи, и эхо этой силы он различал на склонах ущелья. Она скатывалась в долину неудержимым полноводным потоком. Вот оно, вот контроль над всеми силами роя, центр Совокупного Разума.

Капеллан чувствовал этот центр как отдельный фрагмент бесконечности. В глубине мозга Мортифакта возникло ощущение, что и о его нематериальном присутствии уже известно. Холодные щупальца потянулись ему навстречу, но призрачный дух уже возвращался в своё тело.

Астадор открыл глаза и медленно поднялся с коленей.

Воины, в душах которых он черпал дополнительные силы, тоже встали на ноги. Капеллан покачнулся и часто заморгал. Вокруг кипела битва, но Астадор смотрел на неё отрешённым взглядом. Его дух противился возвращению в слабую плоть простого смертного

Мортифакты и воины Караула Смерти продолжали истреблять тиранидов, стараясь не подпустить их к капеллану, чтобы не нарушить состояние транса. Капитан Баннон подошёл к Астадору.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, отирая окровавленные доспехи. — Теперь ты знаешь?

— Знаю, — кивнул Мортифакт.

Павел швырнул последнюю гранату и пригнулся. Он уже пережил свой страх. Теперь ему помогали адреналин и опыт, полученный во время длительных тренировок. А мозг подчинялся только инстинкту самосохранения, который вопреки всему гнал его вперёд.

Он стрелял, колол, рубил, пользовался любым оружием, какое только мог найти в окопе. Споткнувшись, Павел чуть не упал на изуродованные тела двоих солдат в длинных шинелях корпуса Крейга, зато наткнулся на лежащий рядом гранатомёт. Лефорто перебрался через изъеденные кислотой скелеты, схватил оружие и полез наверх, на огневой рубеж.

Перед глазами сверкнул яркий свет. Павел увидел, как гигантский монстр с царапинами и ранами на панцире взбирается в окоп, давя все на своём пути, а из его разверстой зубастой пасти вырывается зелёный огонь. Десятки шипящих чудовищ поменьше толпились за его спиной: Сержант Космодесанта без сознания лежал на снегу, а капитан, который не так давно спас Павла от горгульи, барахтался в луже жидкого огня.

Времени на раздумье не оставалось. Лефорто вскинул гранатомёт и коротко помолился, чтобы солдаты Крейга успели зарядить его перед смертью.

Уриэль отшатнулся, отчаянно пытаясь стереть капли шипящей биоплазмы со своего визора. Наконец он поднял голову и прочитал в чёрных, лишённых век глазах карнифекса осознание неминуемой гибели. Уриэль уже упёрся спиной в стену окопа, бежать-было некуда.

Меч взметнулся вверх, но капитан понимал, что не успеет нанести удар.

А потом вспышка огня угодила прямо в череп карнифекса. Мощная взрывная волна придавила Космодесантника к стенке траншеи, сверху посыпались осколки хитиновой брони. Едва стих грохот выстрела, Уриэль посмотрел сквозь клубы дыма вверх на гигантское чудовище и увидел, что его голова исчезла. На том месте, где только что сверкали острые зубы, остались лишь обгоревшие остатки мозга и обломки костей.

Ещё секунду карнифекс покачивался на месте, а затем мощные колени подогнулись. Уриэль едва успел откатиться в сторону, как громадина рухнула на землю и вверх полетели брызги биоплазмы вперемешку с ихором.

Чуть поодаль в окопе Уриэль заметил солдата со значком сил самообороны Эребуса на шлеме и дымящимся гранатомётом на плече.

Через проломленную карнифексом стену в траншею рвались толпы гормогонтов, и, вскочив на ноги, капитан приготовился встретить их ударами энергетического меча.

Павел отбросил дымящийся гранатомёт и побежал к позициям солдат Крейга в поисках ещё какого-нибудь оружия. Из кобуры одного из убитых он выдернул лазерный пистолет, а из ладоней другого вытащил тяжёлый клинок. Лезвие оказалось зазубренным, и Павел понял, что держит в руках цепной меч, хотя раньше ему никогда не приходилось иметь дело с таким оружием.

У основания рукояти нашлась руна активации. Лефорто прикоснулся к ней, и меч ожил. Глухо загудев, зубья начали двигаться, как у цепной пилы. Солдат поднял клинок и поспешил на помощь капитану Космодесантников, в одиночку сдерживающему натиск многочисленных врагов на краю окопа.

Тяжёлое оружие вибрировало в руках и запросто разрубало плоть и кости тиранидов. Брызги тёмной крови пришельцев летели во все стороны. Павел стрелял, не целясь и одновременно рубил мечом, рассекая врагов надвое. Он не обладал опытом Космодесантников, но страх и стремление защитить свой дом прибавляли ему сил и решимости.

Плечом к плечу с капитаном Ультрамаринов они сражались, подобно героям из древних легенд. От тяжести оружия у Павла заболела кисть, но к тому времени обойма лазерного пистолета уже опустела, и Лефорто взялся за рукоять меча обеими руками. Чудовища падали одно за другим. Вскоре к двоим воинам присоединился и третий — сержант в голубых доспехах со сверкающей серебряной рукой. Павел уложил очередного противника и усмехнулся, представив себе, как будет рассказывать о сражениях Холии и маленькому Солану, когда вернётся домой.

Меч застрял в теле врага. Павел попытался его выдернуть, но лезвие было плотно зажато в экзоскелете. Солдат упёрся ногами прямо в остывающий труп и потянул клинок. В этот момент на край окопа вспрыгнул ещё один монстр.

Смертоносные лапы угрожающе нависли над его головой, и Павлу пришлось отскочить в сторону. Но он оказался недостаточно проворным. Острые когти сорвали шлем, а один вонзился в плечо. Горячая волна боли обожгла руку, из раны хлынула кровь. Павел согнулся и внезапно почувствовал щекой подтаявший снег.

Он перевалился на бок и потянулся за ножом. Пелена слёз и крови застилала глаза, но Лефорто всё же сумел перерезать глотку склонившегося над ним чудовища. Никак не желая

умирать, тварь продолжала цепляться за его одежду. Павел резко дёрнул нож вверх и вонзил его прямо в мозг.

Наконец он высвободил клинок и, держась за стенку окопа, с трудом поднялся на ноги. Перед глазами всё расплывалось, колени подгибались от слабости, а к горлу подкатила тошнота. Онемевшими пальцами Павел стянул обрывки одежды с плеча. Кровь медленно сочилась из глубокой раны, а в середине её торчал чёрный, блестящий коготь. В оцепеневшем мозгу на секунду вспыхнуло удивление.

Он не чувствовал себя раненым. Боли не было. Почему?

Павел не успел найти ответа.

Ещё до того, как он рухнул на окровавленный снег, сознание покинуло его.

Уриэль увидел, как солдаты в чёрных доспехах загружают тяжёлые бронированные ящики в «Рино», и побежал к ним. Полковник Рабелак уже перевёл часть войск со второй линии окопов и даже вызвал подкрепление с третьей. Подразделения ещё держали оборону, но долго они не выстоят. Если тираниды и дальше будут атаковать столь же яростно, то через некоторое время фронт неизбежно будет прорван.

На дне окопов уже громоздились горы мёртвых тел, солдаты дрались из последних сил, а Уриэль торопился к южному выступу траншеи, где ревели пять «Рино» — водители уже прогревали двигатели. Неподалёку от машин Вентрис заметил капитана Баннона и Астадора. Капеллан напутствовал и благословлял Мортифактов, преклонивших перед ним колени.

Баннон заметил бегущего Уриэля и двинулся ему навстречу.

— Чем вы тут занимаетесь? — воскликнул Ультрамарин.

— Принимаем меры для сохранения линии фронта, — ответил Баннон, заступая Уриэлю дорогу.

— Собираетесь сделать вылазку в тыл пришельцев?

— Да. Капеллан Астадор отыскал существо, которое, по его мнению, контролирует эту часть роя тиранидов.

— Что? Как это?

— Духи предков указали ему путь.

— Это серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, — решительно ответил Баннон. — Я полностью доверяю ему в этом вопросе.

Уриэль пришёл в замешательство. Ему казалось невероятным, что братья Космодесантники могли доверить свою судьбу наитию, пришедшему во время религиозного обряда, но это случилось на его глазах. Интересно, что бы сказал по этому поводу капитан Айдэус?

— Что ж, прекрасно. Тогда я еду с вами, — наконец решительно кивнул он.

— В самом деле? — удивился Баннон.

— Да. Если появилась возможность покончить с этим как можно скорее, вам потребуется любая помощь.

Капитан Баннон пристально посмотрел в глаза Уриэля, отыскивая какие-то скрытые мотивы, но ничего подозрительного не обнаружил и хлопнул Вентриса по наплечнику.

— Ладно. Ищи место в автомобиле. Мы отправляемся.

Уриэль подбежал к «Рино», но сообразил, что внутри для него слишком тесно, и вскарабкался на крышу ближайшей машины. Колонна имела устрашающий вид. Чёрные борта автомобилей сверкали латунными заклёпками в виде черепов, на каждой выхлопной трубе тоже красовался череп, и голубоватый дымок струился между челюстей. Водитель нажал на газ, двигатель взвыл, и Мортифакты в сопровождении семерых воинов из Караула Смерти заняли свои места.

Колеса взвизгнули в скользкой колее, но через мгновение водитель вырулил на твёрдую поверхность, и головная машина перекатилась через траншею по настилу из толстых брёвен. Автомобиль безжалостно давил пришельцев, которые не успевали отпрыгнуть в сторону.

Тираниды мгновенно отреагировали на передвижение врагов. Громкие крики усилились, и часть стаи изменила направление, чтобы перехватить колонну. Один из Мортифактов протянул Уриэлю через открытый люк крупнокалиберный штурмовой болтер. Космодесантник убедился, что оружие заряжено, и нажал на спусковой крючок. Даже не целясь, он водил дулом то влево, то вправо, расчищая дорогу «Рино». Машину бросало из стороны в сторону, и Уриэлю изо всех сил приходилось удерживать равновесие, поскольку кроме болтера он держал в руке меч. Колонна двигалась к огромному горбатому чудовищу, которое держалось в самом центре роя. Стоило машинам немного приблизиться, как лоснящиеся пластины его хитиновой брони пришли в движение. Уриэль даже почувствовал волны энергии, распространяемые этим созданием. И в них кипел страх.

Сверкнувшие прямо перед лицом когти вернули его к действительности. Гормогонт уже почти

запрыгнул на крышу машины, но в последнее мгновение Уриэль успел взмахнуть мечом и одним ударом рассёк врага надвое.

Движение колонны замедлилось. Десятки тиранидов бросались на броню машин, цеплялись за колеса, лезли по головам друг друга, пытаясь добраться до своей цели. Уриэль колол и рубил мечом, а в это время стрелок высунулся из люка по пояс и обстреливал толпы врагов из тяжёлого болтера. «Рино» неумолимо прокладывал дорогу к центру роя, и холодный ветер царапал лица людей.

Раздался громкий взрыв, машину сильно тряхнуло, и Уриэль рискнул оглянуться. Шедший за ними «Рино» был объят пламенем, языки огня пробивались через разорванную броню. Из опрокинутой машины выскакивали Космодесантники. Их доспехи горели, но они тотчас вступили в неравный бой с десятками налетевших тиранидов. Злобное шипение отвратительных созданий заглушало треск огня, и вскоре воины исчезли из виду, погребённые под несметными толпами ксеносов.

Уриэль осмотрелся, пытаясь определить, откуда прозвучал роковой выстрел, и увидел уродливое создание, парящее низко надо льдом. Длинный изогнутый хвост подёргивался прямо под шишковатой головой, тонкие конечности беспомощно болтались в воздухе, а вокруг морщинистой складки кожи на шее потрескивали голубоватые искры электрических разрядов.

Словно почувствовав его взгляд, чудовище взвизгнуло и медленно повернуло голову к приближающемуся «Рино». Уриэль хлопнул стрелка по плечу.

— Смотри вправо и вниз! — крикнул он, указывая мечом на летящее создание.

Стрелок кивнул, прицелился, штурмболтер взревел, и очередь крупных реактивных снарядов просвистела в воздухе. Уриэль увидел оранжевые вспышки разрывов, но понял, что выстрелы не причинили монстру никакого вреда, и выругался. Почти тотчас же сияющий ореол окутал голову крылатого создания, и капитан, понимая, что за этим последует, покрепче ухватился за край крыши.

Сноп яркого белого пламени вырвался из-под уродливой головы и ударил в решётку радиатора «Рино». Уриэля подбросило в воздух, он едва смог удержаться на крыше. Ноги заскользили по гладкой поверхности. Машину занесло, но прочная броня на этот раз выдержала вражеский удар.

Рядом раздался оглушительный визг. Ударом тяжёлого ботинка Уриэль отшвырнул подбежавшего монстра. А следом за ним уже спешили ещё несколько гормогонтов. Вентрис умело орудовал мечом, и ему удалось снести немало черепов и переломать кости многим нападавшим чудовищам.

В конце концов он обрёл равновесие, вставил клинок в ножны и снова уцепился за чёрную крышу. Через секунду «Рино» резко вильнул в сторону. Уриэль считал, что второго такого удара броня не выдержит. Подняв голову, он понял, что и водитель пришёл к такому же

заключению. Оказавшись прямо перед машиной, опасное создание пятилось, пытаясь уйти, но водитель опередил его. Усеянный шипами бампер со всего размаху ударил в морщинистое тело и подмял его под колёса. Послышался отвратительный хруст, тяжёлый автомобиль даже не подпрыгнул, и сзади из-под машины показались обломки хитина и лужи ихора. «Рино» помчался дальше.

Теперь, когда четыре уцелевших «Рино» оказались рядом с намеченной жертвой, среди тиранидов началось активное перемещение. С высоты своего места на крыше Уриэль заметил, что предводитель роя явно указал подданным на близкую угрозу. С безошибочной чёткостью, какую увидишь не на всех парадах, ряды ужасных созданий изменили направление атаки. Многие тираниды даже оставили окопы и ринулись на помощь своему господину.

Оружейный огонь стрелков «Рино» заставил отвратительного гиганта спрятать голову под пластинами хитиновой брони. Тотчас воздух над ним стал потрескивать от концентрированной псионической энергии. Уриэль почувствовал, как усиливается нагнетаемый чудовищем ужас. Трудно было устоять против воздействия инопланетного разума, и эта атака грозила сломить его решимость. Но неожиданно нахлынувшее воспоминание о Несущем Ночь, абсолютном воплощении космического зла заставило его рассмеяться над ничтожностью грозящей им сейчас опасности.

Взвизгнув тормозами, колонна «Рино» остановилась перед громоздкой тушей тиранида. Космодесантники поспешили выскочить из машин, чтобы вступить в бой с существами, охраняющими своего предводителя. Уриэль первым спрыгнул с крыши и тотчас же размозжил череп ближайшего врага ударом бронированного кулака. Чьи-то клыки царапнули по его ботинку, но тварь была мгновенно раздавлена металлическими каблуками..

Уриэль проткнул её голову энергетическим мечом и устремился вперёд, навстречу следующему монстру. Огромные когти пытались вцепиться в его шлем, но Космодесантник увернулся и одним сокрушительным ударом разрубил твёрдые пластины на животе чудовища. Хлынул поток чёрной крови и послышался жалобный вой. Уриэль вспорол горло твари, заставив её замолчать.

Чем ближе Вентрис подбирался к хозяину орды ксеносов, тем теснее смыкались ряды его защитников.

Длинные когти и острые как лезвия клешни барабанили по доспехам, но Ультрамарин не чувствовал боли. Сознание заволокла тёмная пелена, и Уриэль в приступе ярости отрубал конечности, распарывал животы, крушил все вокруг.

В уши ударил животный рёв. Капитан обернулся в поисках нового врага, но в ту же секунду понял, что кричит, он сам. Ошеломлённый, Уриэль видел, как все вокруг него начало двигаться, словно в медленном танце. Мортифакты встали стеной вокруг семерых солдат Караула Смерти, а те посылали плазменные заряды, целясь между пластинами брони гигантской туши.

И ещё он увидел бездушные чёрные глаза монстра, осознавшего, что его участь решена. Рогатая голова, похожая на голову насекомого, высунулась из-под панциря, ударила Уриэля в грудь, и крепкие рога подняли Космодесантника высоко в воздух. В мясистых складках разверзлось усеянное зубами отверстие, и капитан начал соскальзывать прямо в эту пасть. Он отчаянно цеплялся за окостеневшие наросты, пытаясь освободиться, но чудовище закатило глаза, и края отверстия сомкнулись на теле Уриэля. Клыки скрежетали по его доспехам, и стало ясно, что потрясающая мощь тиранида скоро преодолеет прочность закалённых пластин. Уриэль из последних сил поднял меч.

Зубы гиганта вонзились в плоть Ультрамарина, хлынула кровь.

Вентрис проткнул хитиновую оболочку черепа, лезвие проникло в мозг, и Уриэль торжествующе закричал. Внезапно белое пламя почти ослепило его. Взорвались плазменные снаряды, выпущенные стрелками Караула Смерти. Уриэля накрыла волна нестерпимого жара. Наконец смертельная хватка монстра ослабла. Ударившись о ледяную землю, капитан застонал от боли.

Над долиной повисла мёртвая тишина. Космодесантники почувствовали замешательство тиранидов, утративших связь со своим лидером.

Уриэль поспешил выбраться из полной слизи пасти чудовища. Кто-то хлопнул его по плечу, и он увидел рядом с собой капитана Баннона. Мортифакты уже шагали к машинам.

— Пошли, — сердито бросил Баннон. — Оно мертво, и нам пора убираться отсюда.

— Да, — выдохнул Уриэль и захромал вслед за капитаном Караула Смерти.

Забравшись внутрь покорёженного и забрызганного ихором «Рино», он не чувствовал ничего, кроме стыда за свою неконтролируемую ярость во время схватки.

С наступлением темноты всё стихло. После гибели предводителя роя атака тиранидов захлебнулась, ошеломлённые существа в панике метались из стороны в сторону. Большая их часть могла сражаться только по приказу чужой воли, и теперь они лишились цели. Энергичные контратаки Космодесантников и артиллерийский огонь скоро уничтожили все очаги сопротивления тех тиранидов, которые были способны на самостоятельные действия, а ударивший двадцатиградусный мороз лишил жизни остатки ксеносов.

Отдельные особи зарылись в снег и впали в летаргический сон. Увеличенные запасы жировой ткани помогли им выжить. Но таких было очень немного. У людей не осталось сил выискивать этих врагов. Из-за усталости и сильного холода не хотелось двигаться.

А двигаться пришлось, поскольку командование Имперскими силами отдало приказ отвести солдат на вторую линию окопов. Полковники Стаглер и Рабелак пришли к заключению, что первая линия обороны не сможет сдержать очередной атаки врагов.

К тому же, по донесениям воздушной разведки, на город, надвигались полчища тиранидов, по крайней мере втрое превосходившие численность сегодняшнего авангарда. В каждом из роев были замечены великаны, сравнимые только с Боевыми Титанами. Все понимали, что эта победа лишь ненадолго отдалила разгром людских войск.

***

***

***

***

***

***

****

http://tl.rulate.ru/book/30591/673107